

КАК ИССЛЕДОВАТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИЮ?

**Anna Tsing. *Friction: An Ethnography of Global Connection.*
Princeton, New Jersey: Princeton University Press,
205. 376 p.**

Если мы хотим понять больше о мире и о том, как в нём всё работает, где нам нужно начать? Книга Анны Цинг *Friction: an Ethnography of Global Connection* предлагает необычное решение:

«Заброшенная лесовозная дорога стала одним из самых безжизненных мест на земле. По определению она никуда не ведёт. Если вы идёте по ней, то это либо потому, что вы потерялись, либо потому, что вы посягаете на чужие владения. Либо и то и другое. Мокрая глина образует комки на вашей обуви, если у вас есть обувь, ослабляя ваши силы. А если у вас нет обуви, солнце и горячая грязь беспощадны» (с. 29).

Этот чувственно богатый образ Анны Цинг, потерянной и посягающей на чужие владения вдоль заброшенной лесовозной дороги, испачканной и неспособной сбросить тяжёлую глину с обуви, лучше всего передаёт вызов современным социальным наукам. Если вы хотите сказать что-то о мире, это не будет так легко сделать: вам нужно волочить тяжёлые от грязи ноги по заброшенным лесовозным дорогам мира и сделать это началом вашего теоретизирования и стиля изложения. И даже в этом случае у вас есть привилегия, которую следует иметь в виду. У вас, по крайней мере, есть обувь!

Friction – это книга, которая вдохновляет своим подходом по двум причинам. *Во-первых*, это продолжение долгосрочных полевых исследований Цинг в тропических лесах Мератус в Южном Калимантане и, *во-вторых*, оценка того, как всё работает в современном мире. Эти два аспекта неразделимы, поскольку то место, где проводит свои исследования Цинг, во всём его уникальном разнообразии – это то, что даёт ей возможность видеть, как глобальные связи функционируют на практике. Знакомя читателя с социальными и экологическими последствиями вторжения международной торговли в тропические леса Индонезии и передавая в равной степени яркую социальную, культурную и экологическую сложность этого пространства, Цинг привносит жизнь в регион, которого до этого не было на карте для её читателя. Обращение внимания на пространство в аспекте, который вообще не был или практически не был представлен в международных медиа и академии, является ключевым в работе Цинг. Ведь если мы говорим о глобализации, мы

РЕЦЕНЗИИ

предполагаем существование глобальной рамки. Но какая картина мира, или рамка, возникнет, если мы возьмём, как это делает Цинг, деревенские сообщества в тропических лесах Индонезии в качестве источника материала для того, как мы думаем о глобальности? Являются ли идеи и слова, в которых мы концептуально оформляем глобальность, адекватными тому, что происходит в таких местах, как описываемое Цинг? Таким образом, не последнее достоинство книги *Friction* – это призыв проводить большее количество полевых исследований в местах, которые слабо репрезентированы на дискурсивной карте мира. Этот призыв столь же значим для тех, кто занимается социальными исследованиями в Беларуси, Украине, России, Польше, Литве и т. д., сколь для Цинг в Индонезии. То, о каких местах мы говорим или пишем, и то, как мы это делаем, имеет значение. Поскольку лишь через этнографические детали мы можем включиться в дискуссию о том, что Цинг видит в качестве базовых дилемм нашего времени: почему глобальный капитализм настолько беспорядочен? Кто говорит за природу? Какого рода социальная справедливость имеет смысл в XXI веке (с. 2)?

Friction – это во многом самостоятельная работа, которая может именно так и прочитываться. Однако интересным и в равной степени огорчающим будет также соотносить эту работу с более ранними этнографическими исследованиями, которые Цинг проводила в том же месте, работая с главным персонажем и ключевым информантом тех исследований Умой Аданг.¹ Ума Аданг – это выдающаяся лидер сообщества Мератус Даяк, населяющего тропические леса Южного Калимантана. Несмотря на опасность для сообщества, которую представляют собой лесозаготовительные и горнодобывающие компании, наплывы миграции, международные проекты по сохранению природных ресурсов и здоровья, Аданг становится энергичной и независимой лидером сообщества в патриархальном контексте. Ключевым элементом в авторитете Аданг является харизма при повествовании истории, где факт смешивается с шаманской поэзией, пародия – с помпой, а локальные события интерпретируются в терминах древних предсказаний. Любое событие, даже приезд американской антрополога Цинг, может быть инкорпорировано в фантастическую историю Аданг о мире. И, таким образом, оно становится элементом в структуре относительной связности, которую она изобретает для своего сообщества, или в структуре того, что и она и Цинг называют «культурой»². Эта книга создаёт ощущение хрупкости существования этого сообщества на периферии, перед лицом внешних угроз

¹ Tsing A. From the Margins // *Cultural Anthropology*. 1994. Vol. 9/3. P. 279–297; Tsing A. *In the Realm of the Diamond Queen*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1993.

² Ibid., 284.

его экосистеме. При этом чувственность, юмор и энергия описания мира Умы Аданг, её хитрость в процессе создания собственной позиции власти и очевидная привязанность Цинг делают текст книги радостным, но также сложным для следования. Читая очевидно бессмысленные повествования Аданг, я был поражён тем, что способности, которыми лишённые власти сообщества создают связность из своей ситуации, могут выступать важным аспектом для анализа не только традиционных сообществ, но и национальных государств в эпоху глобализации.

В то время когда Цинг возвращается на Калимантан для написания *Friction*, картина уже совсем другая. Ума Аданг, когда-то энергичный центр внимания, теперь, по большому счёту, – периферийный и подавленный персонаж. Она говорит Цинг: «Я не думаю, что ты вернёшься. Здесь больше нет культуры» (с. 49). Действительно, если бы Маркс искал поддержку своему известному тезису о том, что капитализм имеет уникально деструктивное влияние на другие социальные структуры, которые попадают на пути, ему было бы достаточно просмотреть первые главы *Friction*.³ Ведь те деструктивные силы, которые Цинг описывает как спущенные с цепи на фронтире капитализма, действительно мрачны. Ландшафт стал фронтиром, природа – ресурсом, и всё кажется собранным в мобильную карту страха, возбуждения и странных желаний: единственная вещь, на которую кто-либо может надеяться – это получить хоть какую-то прибыль от ресурса, пока он не исчезнет. Ландшафт, где монотонные и заброшенные поля монокультур заменили уникальное многообразие видов в тропических лесах, развивавшихся миллионы лет, становится извращённым сопровождением бездыханных и неопределённых взаимодействий деревенских жителей, горняков и лесорубов в ускоренном времени мародёрства (с. 30).

«Фронтиры дерегулированы потому, что они возникают в промежуточных пространствах, созданных сотрудничеством легитимных и нелегитимных партнёров: армий и бандитов, гангстеров и корпораций, строителей и грабителей. Они смешивают границы права и воровства, управления и насилия, использования и разрушения. Эти смешения меняют правила и, таким образом, делают возможной новые экстравагантные экономики дохода, а также потери» (с. 27–28).

Ситуация в Борнео, которую Цинг представила в поздние 1990-е, демонстрирует, что влияние и интересы многонациональных корпораций, государственных институций, международных программ по развитию, лесорубов-мигрантов, бандитов и местных деревенских жителей безнадежно размыты. Результатом становится путаница рамок пространства и времени в производстве и разрушении ресурсов и богатства.

³ См., к примеру, описание Марксом постоянного распространения капитализма, требуемого «законами накопления капитала», в *Capital*. Vol. 1, ch. 25.

У Цинг есть характерная для антропологов внимательность к деталям и ярко выраженное умение погружать читателя в центр чувственных эффектов социальных, культурных и экономических изменений. Если в поздние 1990-е, с точки зрения многонациональной экономики, Индонезия выглядела как место, где потенциал фронта мугировал в опасность кризиса⁴, то с точки зрения этнографической работы здесь уже сложно чему-то верить. Деревья превратились в количество долларов. Земля, традиционно находившаяся во владении деревенских жителей, стала предметом более авторитарных, навязанных государством имущественных претензий (в какой-то момент наилучшим решением становится продать собственную землю – даже если она не является собственной во всей ясности – до того момента, когда это сделает кто-то другой). Даже яйца стрижей для специального китайского супа, до этого тщательно спрятанные птицами в пещерах, теперь массово собраны и охраняются армией, чтобы никто из местных не смог на них заработать. Сталкиваясь с такими угрозами, этническая идентичность и мораль переформулируются в припадочном спазме страха. Если до этого Ума Аданг шутила о попытках набожности, теперь – когда уже осталось немного из того, что ещё можно защищать, – мораль Даяк становится защитным элементом сообщества. Теперь между группами, которые сложно визуально отличить друг от друга, появляются этнические напряжения, обособываемые даже запахом как фактором отличия.

Тем не менее работа Цинг является настолько интересной не только ввиду красочности, с которой она сообщает о локальных эффектах капиталистической экспансии на Борнео. Скорее, читая её, сложно не почувствовать, что экспансия фронта – это одна из определяющих характеристик сегодняшнего дня. Поскольку, несмотря на то что тропические леса Калимантана – это экзотическое пространство, легко ассоциирующееся с фронтиром, Цинг показывает, что это пространство лишь произведено в качестве фронта благодаря сложному набору операций в сферах медиа, политики и бизнеса. Таким образом, фронт как пространство, где ресурсы разных типов трансформируются в потенциальные источники прибыли в новой нерегулируемой парадигме, становится и полезным объектом для анализа того, что происходит в тропических лесах Калимантана, и пригодной оптикой для понимания неолиберализма в целом. В свете исследования Цинг неолиберализм может быть определён как активное стремление множить фронтиры, которые потом становятся объектами регулирования, государственными институтами для собственных конкурентоспособных преимуществ.⁵ Точно так же глобальный экономический кризис

⁴ Это заставило Цинг думать о том, насколько фронтир и кризис так уж отличаются друг от друга в конкретных пространственно-временных конфигурациях.

⁵ Джон Ло и Анн-Мари Мол также описывают умножение фронтиров и контроль над ними вдали от границ национальных государств в каче-

2009 года может быть понят как результат эксплуатации ресурсов фронта (формирование финансовых пакетов из ипотек для тех, у кого низкие доходы) в городах США. Спутанное парадоксальное пространство острова в Индонезии с его уникальной разнородной экосистемой не столько является значимым объектом *case study* Цинг, сколько становится парадигмой для понимания современного мира.

Это имеет особый резонанс для мышления о пространствах Центральной и Восточной Европы, которые после падения коммунистической системы возникли в качестве ещё одного фронта капитализма, обещающего как волнующее богатство, так и пугающий риск. Из перспективы «второго мира» черты фронта в Южном Калимантане, о которых пишет Цинг, кажутся поразительно похожими. Здесь можно говорить об экспансии приватизации общественного имущества для частной прибыли и о смещении частного и общественного. Здесь же заметны стирание границы между легальным и нелегальным, смешение темпоральностей, а также комбинация аморальности по отношению к ресурсам и усиления защитной консервативной морали. Возьмём, к примеру, нарушение временной оси, заметное в том, что «фронт пришёл в Калимантан после движения в защиту окружающей среды (*enviromentalism*)» (выделено в оригинале) (с. 32).

«Были приведены в действие планы спасения окружающей среды в процессе её разрушения. Для того чтобы восстановить вырожденную землю с вырубленным лесом, появились плантации с деревьями. Уже после того, как лес был вырублен, а земля стала вырожденной ... индонезийский магнат в сфере деревообработки Боб Хасан организовал десятикилометровый марафон с названием “Беги за тропический лес” и был завален призами за инициативу в защиту окружающей среды» (с. 31).

Точно такая же логика позволяет торговому центру *Carrefour* в районе, где я живу в Варшаве, предлагать покровительство проектам локальных сообществ, в то время как сам торговый центр разрушает сети местной торговли, а компания *Carrefour* использует свои международные связи для того, чтобы не платить налоги в Польше. Обещание глобализацией доступа к товарам, которые попадают в Восточную Европу, можно понимать в качестве производящего международное социальное неравенство и разрушающего структуры локальных сообществ. Возможно, интересным в свете примера Цинг будет тот факт, что с 2010 года *Carrefour* также стал главным спонсором варшавского марафона.

стве стратегии, посредством которой отдельные национальные государства поддерживают свою доминантную иерархическую позицию в условиях глобальных сетей и торговли; см.: *Globalisation in Practice: On the Politics of Boiling Pigswill // Geoforum*. 2008. Vol. 39/1. P. 133–143.

Именно на таких сбивающих с толку процессах фокусируется Цинг, называя свою книгу *Friction*. Надо сказать, у этого названия (*friction* – трение, но ещё и антагонизм) много коннотаций. У трения могут быть положительные результаты. Именно трение становится причиной движения, когда, например, шина касается дороги или нога становится на половицу. Трение двух деревянных палочек становится причиной огня. Но трение также может вести к разрушению материалов или волдырям на нашей коже. В разговорной речи трение является условным обозначением эмоционального напряжения между людьми. Для Цинг трение выступает контрапунктом по отношению к лексикону текучести и мобильности, которым обычно описывается эпоха глобализации. Она показывает, что из физической, социальной и культурной перспектив этот язык игнорирует столкновение с различиями, подобное трению. А ведь именно это столкновение и делает возможным движение. Когда два тела оказываются в контакте, появляется энергия, которая зачастую создаёт непредсказуемую и неровную динамику. Например, дороги дают место для появляющегося в результате трения движения резины по покрытию и, таким образом, делают движение более лёгким и результативным. Но, «делая это, они также ограничивают то, куда мы передвигаемся», и, конечно, делят население на тех, у кого есть машины, тех, кто ждёт автобуса, и тех, кто не способен сделать ни первое, ни второе (с. 6). Для Цинг, *friction* – это теоретический инструмент, артикулирующий то, чем может быть этнография глобальных связей. Такая этнография должна схватывать появляющиеся в трении контакты между разными пространственными уровнями, сами пункты, где происходит трение, а также механизмы, посредством которых оно происходит.

Friction – это также концептуально новая стадия в развитии идей, представленных Цинг в более ранней статье *The Global Situation*. В этой статье она, с одной стороны, воодушевлена тем, как феномен глобальности меняет множество сфер жизни – от деловых практик, политического управления и социальной мобилизации до академических исследований, – и, с другой стороны, обеспокоена вопросом, к чему отсылает слово «глобальное». ⁶ Глобализация предполагает новизну, интенсивные межнациональные и транснациональные отношения, распространение вещей по всему миру, а также глобальность как исходную рамку для всего. Но когда все говорят о городах, культуре, потоках, сетях и связях как глобальных, автор удивляется: нет ли здесь скрытых политических повесток дня, которым нужно уделить пристальное внимание? Существуют значительные отличия между продвижением компании мобильной связи как создающей глобальные связи и фиджийской женской организацией, участвующей в глобальной женской конференции ООН. Общее между

⁶ Tsing A. The Global Situation // *Cultural Anthropology*. 2000. Vol. 15/3. P. 327–360.

ними то, что они создают глобальные связи. Цинг предостерегает, что, сводя разнообразие мира к гегемонии глобального, мы превращаем мир в искажённую карикатуру и, таким образом, помогаем тем силам, которые пытаемся критиковать.⁷

Анна Цинг, к примеру, замечает, что возникновение глобального движения в защиту окружающей среды и языка заботы, охраны и любви к планете, которым оно пользуется, должно прочитываться в тандеме с производством первых волнующих снимков земли из космоса в 1960-е и 1970-е гг.⁸ В нашей погоне за термином глобализация не впадаем ли мы в иллюзию власти над глобальностью, которая выражена, в том числе, и в программе *Google Earth*, где мы можем двигать планетой так, как хотим? Как заметил Леви-Стросс в дискуссии о миниатюрах, получить непосредственную видимость целого – большое удовольствие. Но что прячется от нас в непосредственной визуализации целого?⁹ Этот пример особенно значим, поскольку для Цинг экология – это не просто пример. *Friction* воспитательна в плане исследования деталей интеракций сообщества Мератус Даяк с богатством биологического разнообразия, и, таким образом, она открывает новые каналы понимания социальных отношений с природой. Для Цинг этнография окружающей среды является именно той сферой, которая позволяет нам расширить границы социальных отношений до природных пространств, где они случаются, и открыть локальное разнообразие, которое необходимо принять во внимание, когда мы конструируем картину глобального целого.

Для понимания сути подхода Цинг важно обсуждение ею книги Дэвида Харви *The Condition of Postmodernity*¹⁰ в статье *The Global Situation*. В какой-то мере Цинг находит много интересного в подходе Харви к соотношениям между культурной эстетикой постмодерна и накопительными стратегиями постиндустриального капитализма. При этом как антрополог она поставлена в тупик наиболее известным тезисом Харви об ускоряющемся сжатии пространства и времени как определяющей характеристике постмодерна. Где Харви наглядно этнографически демонстрирует, как переживаются структуры пространства и времени?¹¹ Это не просто второстепенное упущение, но серьёзная теоретическая и стратегическая лакуна. Ведь

⁷ Здесь автор ссылается на Фредрика Джеймисона, Жан-Франсуа Лиотара и Жана Бодрийяра как мыслителей, попавших в эту ловушку.

⁸ Tsing, *The Global Situation*, op. cit., p. 331.

⁹ В разных статьях, затрагивающих вопрос видов с воздуха, Марк Дорриан обсуждает вопрос «слепых пятен» в образах, зафиксированных спутником, а также вопрос наслаждения от власти, ставшей возможной благодаря программе *Google Earth* и миниатюрным архитектурным моделям. Дорриана особенно интересует то, как техники визуальной репрезентации пространства переплетены с его концептуальным и политическим пониманием; см., к примеру: *The Aerial Image: Vertigo, Transparency and Miniaturization // Parallax*. 2009. Vol. 15/4. P. 83–93.

¹⁰ Harvey D. *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Basil Blackwell, 1989.

¹¹ Tsing, *The Global Situation*, op. cit., p. 341.

упуская из виду разнообразие опытов пространства и времени в современном мире, или, другими словами, упуская из вида этнографические детали, Харви сводит пространства и времена к понятиям сжатия и ускорения. Другими словами, он повторяет жест капиталистической системы, которую так усиленно критикует.

В этой статье глобализация для Цинг – это проект, который возникает в конкретных условиях нашего присутствия в мире. Её интересуют не столько потоки глобализации, сколько каналы для этих потоков – идейные, деловые, политические или активистские проекты, благодаря которым создаются связи между различными пространствами, – а также роль, которую играет для этих процессов глобальный горизонт.

«Вместо того чтобы смотреть на заключающие мир в оболочку эволюционные стадии, логики и эпистемы, я скорее начала бы с нахождения того, что я называю проектами, то есть с нахождения относительно связанных наборов идей и практик, реализованных в конкретном пространстве и времени».¹²

Тогда *Friction*, и как книга, и как теоретический термин, может прочитываться как развитие такого теоретического предложения: она фокусируется на узловых пунктах, процессах захвата, сопротивления и девиации, посредством которых конструируются пространства мира. Книга также является попыткой свидетельствовать о глубоких и драматичных трансформациях, происходящих в Индонезии. Книга состоит из трёх частей. Первая – *процветание* – фокусируется на бедствиях, причинённых влиянием многонационального капитализма в Южном Калимантане, и на странных связях, которые сделали его возможным. Вторая – *знание* (и в первую очередь знание о природе) – фокусируется на проектах и сотрудничестве, которые позволяют знанию циркулировать, каким-то деталям забываться, и, таким образом, благодаря генерализации они обеспечивают переход от деталей к универсальному. Третья – *свобода* – подчёркивает понятие фрикционных коалиций (*frictional coalitions*). Здесь задаётся вопрос о том, как в политических движениях язык универсальных идеалов может создавать траектории, переступающие дисциплинарные пределы и побуждающие к новым формам политики. Таким образом, эта книга – движение от свидетельств производства/разрушения пространства, через обсуждение производства знания, к возможностям и трудностям новой концептуализации политического действия.

Для меня захватывающим было бы соотнести подход Цинг с исследованиями критических географов, работающих в русле понимания пространства как продукта социальных отношений Анри

¹² Tsing, *The Global Situation*, op. cit., p. 347.

Лефевром. К примеру, Нил Бреннер в своей статье о неравномерном пространственном развитии цитирует следующий пассаж из Лефевра:

«Принцип взаимного проникновения и наложения социальных пространств имеет один очень полезный результат. Он предполагает, что каждый фрагмент пространства, который становится объектом анализа, маскирует не какое-то одно социальное отношение, но всю совокупность, которая может быть выявлена с помощью анализа».¹³

Тогда «трение» можно рассматривать в качестве инструмента для исследования взаимного проникновения и наложения социальных пространств в результате социальных отношений. У Бреннера свои собственные инструменты анализа места, территории, масштаба и сети как разных сосуществующих концептуализаций пространства, а также сухой методологический стиль, максимально отличный от динамичной поэзии парадоксов и противоречий Цинг. Безусловно, работы Цинг и Бреннера являются продуктами разных дисциплин – социальной науки и географии, с одной стороны, и этнографии – с другой. Однако я сказал бы, что и первая и вторая заинтересованы в том, *как* анализировать «неравномерное пространственное развитие». Что означает то, что пространства произведены неравномерно? Какого рода субъективность и теория нужны, чтобы исследовать мир в состоянии пространственного неравенства? Такое расхождение в подходах провоцирует интересные вопросы им обоим. Бреннеру – можно ли анализировать качественную неравномерность пространства без участия в теоретической схеме чувственного/телесного включения этнографии? Цинг – действительно ли можно построить теорию на такой этнографии?

Здесь Цинг идёт непростой дорогой. Она точно отвергает традиционный антропологический подход, который фокусируется на изолированном локальном контексте в терминах уникальных неотъемлемых культурных структур. Однако она в той же мере критична по отношению к слишком быстрому переходу к универсальному теоретизированию. Она также не говорит, что глобальные силы производят локальное разнообразие. Скорее, пространства производят капитализм, а капитализм производит пространства. Социальные отношения и пространства на всех уровнях втянуты во фрикционные отношения, без которых не существовали бы ни первые, ни вторые. Но, обращая внимание на разнообразие и сложность локальных пространств и необходимость испачкать обувь в полевых исследованиях, Цинг также показывает важность универсалий. Причина, по которой мы начинаем полевые исследования, – имплицитное убеждение, что исследуемые нами случаи позволяют что-то утверждать о мире, т. е. находить связь между

¹³ Brenner N. A Thousand Leaves: Notes on the Geographies of Uneven Spatial Development // R. Keil, R. Mahon (eds.) *The new political economy of scale*. Vancouver, B. C.: University of British Columbia Press, 2009. P. 33.

деталью и обобщаемой истиной. При этом Цинг настаивает на том, что даже в процессе обобщения вопрос о том, кто способен сделать своё знание общим, кто может выразить своё видение того, как выглядит или должна выглядеть глобальность, это также вопрос позиции в определённых политических проектах.

«Следуя процессам глобальных связей, эта книга – изучение этнографических методов для исследования того, как функционирует универсальное. Как только мы начинаем признавать универсальное как реализующуюся саму по себе абстрактную истину, мы должны впутать себя в конкретные ситуации. И таким образом мы обязаны начинать снова и снова, в гуще вещей» (с. 2).

Таким образом, универсалии трения возникают всегда, когда мы снова и снова вовлекаемся в процесс указывания на то, что было упущено в существующих представлениях, и начинаем строить новое представление о социально-пространственных отношениях. Сама форма *Friction* отвечает этому вызову. Главы книги касаются огромной вереницы предметных полей, причём каждая из них движется от богатства деталей к общей теме.

Первая глава погружает нас в детали вырубki леса в горах Мератус, ставя во главу угла концептуальную роль фронта (и разного рода дискурсов) для материальных деструктивных эффектов на этой местности. *Вторая глава* посвящена параллельным исследованиям в Канаде и Индонезии. Здесь представлена модель для того, чтобы исследовать трение между разными пространствами, а также история взлёта и падения канадской горной компании вместе с историей призрачной золотой лихорадки в Индонезии. Автор захватывающе показывает, что именно пространственная специфика обеих месторасположений – канадская традиция горнодобывающего фронта и настроения фондовой биржи, с одной стороны, а также экзотическое местоположение и специфическая экономико-политическая ситуация Индонезии, с другой стороны, – обусловили действия и разногласия, которые привели к инвестиционному пузырю и последующему коллапсу.

Третья глава посвящена той роли, которую природа и её классификации играли в создании глобального горизонта. Хотя, как показывает Цинг, приводя ряд примеров, категоризация природы всегда выполняется в рамках специфического глобального горизонта, который сам по себе является результатом находящегося в определённых обстоятельствах проекта. Так, модели глобальных климатических изменений – где предсказательная возможность модели зависит от её возможности не подвергаться влияниям локальных деталей – возникают как форма политико-экологического включения в технологическое популяризаторство в отношении того, что они могут, а что не могут утверждать о том, как может меняться климат. *Четвёртая глава* прослеживает историю движения студентов – любителей природы в Индонезии, возникшего в контексте режима строгого контроля президента Сухарто. Здесь

мы находим «внимательное чтение» природного ландшафта гор Мератус и того, как он и выявляет социальные практики, и сам формируется ими. В главе анализируются типы знания о природе и способы взаимодействий с лесом, которые ускользают от навязанных извне моделей отношений к сельской местности.

Последний раздел книги исследует перемещение универсалий как агентов, мобилизующих социальное участие. В начале этого раздела показано, что социальный активизм зависит от перемещения универсальных мечтаний вне контекста, их сформировавшего. При этом в таком перемещении через разные контексты он может трансформироваться или иметь совсем другие эффекты. Таким образом, построение альянсов и организация кампаний – это ситуация, в которой и универсалия и контекст могут поменяться, то есть это социальное движение во всех смыслах. К этому моменту Цинг возвращается в самом конце своей книги, где прослеживает удачную кампанию за прекращение вырубki леса в горах Мератус: у каждой из участвующих в кампании сторон есть своя версия не только собственных мотивации и роли, но и реального общего развития событий. Для Цинг это показывает необходимость разногласий в сотрудничестве. Точки зрения тех, кто сотрудничает, действительно различны, но это их не останавливает. Кроме того, сам процесс кампании может привести к изменениям как в существующем контексте кампании, так и в установках её участников. Для Цинг именно это являет собой модель современного политического действия.

Каждая глава начинается с поэтического фрагмента или словарных определений ключевых слов: *распространение, масштаб, обобщение, космополитичный или специфический, зазор, движение, сотрудничество*. Очевидно, автор стремится сопоставить различные способы знания: от крайне эмоциональных и субъективных до лингвистических и всеобщих. Насыщая эти термины, Цинг даёт им более разнообразное и динамичное значение по отношению к значению, которое им обычно приписывается. Делая это, она задаётся вопросом о том, насколько пересмотр нашего понимания мира должен также включать в себя переосмысление языка, который мы используем. Хотя в случае некоторых терминов использование словаря Анны Цинг упускает из виду научные дебаты о значении этих терминов. Примером здесь может быть термин «масштаб», означающий дифференциальное отношение между единицами пространства и являющийся сегодня центральным концептом критической географии (хотя часто сложно точно установить, что он означает).¹⁴ А. Цинг использует этот термин, но никак не соотносит это исполь-

¹⁴ См., к примеру, Brenner N. The Limits to Scale? Methodological Reflections on Scalar Structuration // *Progress in Human Geography*. 2001. Vol. 25, № 4. P. 591–614; Marston S. The Social Construction of Scale // *Progress in Human Geography*. 2000. Vol. 24, № 2. P. 219–242; Moore A. Rethinking Scale as a Geographical Category: From Analysis to Practice // *Progress in Human Geography*. 2008. Vol. 32, № 2. P. 203–225.

зование с существующей дискуссией. Точно так же – при том, что обобщение замечательно позволяет Цинг исследовать социальные и политические проекты вслед за распространением определённых типов знания, – можно поставить вопрос о том, как можно соотнести её работу с другими концепциями теории (как, например, прочтение Альтюссером теории у Маркса).¹⁵ Пожалуй, слишком смело ожидать, что этнограф сможет покрыть всё. Локализация Цинг в дебатах в других дисциплинах должна быть осуществлена за счёт усилий уже других исследователей.

В промежутках между главами Цинг оставляет пространство субъективным голосам тех, с кем она говорит. В плане предметной области эти вставки варьируются от мнения менеджера по логистике, который использует локальное знание для понимания эффективных способов мотивировки для загрузки лодки в Банджармасине в ситуации, когда работники не говорят на одном языке (с. 50–53), до истории забытой конференции 1955 года под слоганом «Пусть рождаются новая Азия и новая Африка», объединившей африканских и азиатских глав государств в свете надежды только что обретённой независимости (с. 81–88), и составленного по памяти списка, классифицирующего растения острова Борнео согласно локальной значимости (с. 155–171). Эти драматичные подглавы в значительной мере передают разнообразие локальных контекстов и сложность процессов, благодаря которым эти контексты производятся. Они не являются внешними по отношению к теоретизированию, но выступают его частью: это разнообразие субъективных мнений о социально-пространственных процессах, с которыми должна иметь дело современная этнография.

Несмотря на шумное приветствие (а может, и благодаря ему), книге, тем не менее, адресованы два обвинения. Первое, пришедшее со стороны антропологии, может быть сформулировано следующим образом: что именно является новаторским в этой книге? Подзаголовок *Friction* звучит как «этнография глобальных связей», но исследование того, как местные сообщества активно включились в распространение капитализма, трансформируя свои ритуалы и обычаи, чтобы придать им новое значение в новых социальных условиях, – это то, что такие антропологи, как, напр., Маршалл Салинс, делают уже долгое время.¹⁶ Пожалуй, правдой является то, что в этой книге отсутствуют ссылки на предшественников

¹⁵ Althusser L. From *Capital* to Marx's Philosophy // L. Althusser, E. Balibar (eds.) *Reading Capital*. London: NLB, 1970. P. 11–71.

¹⁶ См., напр., Sahlins M. The Economics of Develop-Man in the Pacific // *Anthropology and Aesthetics*. 1992. Vol. 21. P. 12–25. Интересную дискуссию по поводу книги с антропологической перспективы можно найти в антропологическом блоге «Savage Minds» (лето 2006-го); см.: [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://savageminds.org/2006/05/25/reading-circle-lets-do-friction/> Дата доступа: 11.03.11.

(как в более ранних работах автора), а риторическая сила Цинг не спасает от отсутствия академической строгости.

«Трение делает глобальные связи крепкими и эффективными. При этом трение тем не менее препятствует гладкой деятельности глобальных сил. Различие может разрушать, обуславливая повседневные сбои и неожиданные катаклизмы. Трение отрицает ложь о том, что глобальные силы функционируют как хорошо смазанный механизм. Более того, различие иногда побуждает к бунтам. Трение может быть мухой в носу у слона» (с. 6).

Это замечательное поэтическое описание потенциала и проблем неровных отношений повседневных проявлений и разрушений власти, распределённых по территории, читается как радикально инновативное и наполняющее энергией. Но когда оно переносится на такой уровень генерализации, можно также остановиться и подумать о том, что на самом деле значат эти термины. Конечно, «различие может разрушать», но чем является это различие, где оно происходит и почему оно становится разрушающим? Если мы стремимся к точности, мы можем придраться к тому, что муха является причиной трения в носу слона и именно поэтому слон чихает. Не является ли формулировка, что трение может быть «мухой в носу у слона», более близкой сказке, чем теории?

Это приводит нас ко второму пункту критики: *Friction* – и книга и концепт – это теория? И если да, какого рода теория? Цинг показывает, что отдельные пространства, такие как тропические леса Южного Калимантана, предлагают нам точку зрения, разоблачающую доминирующее видение глобализации. Эффекты глобализации более многообразны, бедственны и пространственно чувственны, чем это предполагается существующим доминирующим дискурсом. В то же время работать с универсалиями из перспективы различия – это то, что делает возможной артикуляцию альтернативных представлений о том, как может выглядеть глобальность. Таким образом, в каком-то смысле Цинг показывает, что современный момент – это когда пространство, во всей своей чувственной сложности этнографического *case-study* создания связей, должно быть снова привнесено в теоретизирование в попытке артикуляции и влияния на *status quo*.

Так, когда я стою перед хутором среди полей северо-западной части Беларуси и мне показывают, что роща среди полей – это место, где сейчас живут или когда-то жили люди, я вижу эту рощу через оптику тех способов, которыми Цинг описывает местоположения когда-то выжженных полей, которые теперь читаются лишь через конфигурации фруктовых деревьев (с. 171–202). Выжженные поля превозносятся Цинг как одновременно поликультурные (в смысле множества видов), смешивающие культивацию и природный рост (так, что здесь нет разницы между растениями и сорняками), и временные: после того как лес был выжжен и земля какое-то время использовалась, домохозяйство переезжает на новое место. В то

время как бывшее поле всё ещё будет использоваться, например, как место, богатое на фруктовые деревья, растущие в лесу. По мнению Цинг, такое обильное использование «сорняковости» смешивает различие между культивированным и природным/диким, на котором обычно строятся видения сельской местности и охраны окружающей среды. Хотя этот способ культивации сильно отличается от способа культивации в северо-западной Беларуси, видеть ландшафт через призму концептов Цинг значит задуматься о том, какого рода пространственное трение на разных уровнях приводит к тому, что сельская местность формируется именно таким образом. Что означает – примерить на себя перспективу жителей этого региона (и его экологии) в качестве отправной точки для мышления о мире? И какие формы знания могут возникнуть из исследований локальных практик, через которые взаимодействуют люди и природа?

Я пытаюсь сказать, что я не уверен, что *Friction* – это теория. Скорее, это изумительное чтение, которое попадает вам под кожу и заставляет вас исследовать и выявлять те расхождения, из которых состоит мир. История лесов Южного Калимантана говорит нам как об индонезийских тропических лесах, так и о мире. Таким образом, трение – это призма для исследования того, как пространства создаются в сплетениях и искажениях идей, а в книге утверждается, что такие исследования – это основной социальный, академический и экологический вызов наших времён. Интенсификация интернационализации и транснационализации экономики, медиа и политики не делает мир более плоским. Напротив, эти процессы создают мир, где исследования процессов создания дивергенций и несправедливости становятся всё более и более необходимой интеллектуальной инициативой. Это поле сложно, но, читая Цинг, мы понимаем, что здесь действительно необходимо много поработать и что она сама будет рядом в качестве союзника.

Бенджамин Коуп

Перевод с английского *Сергея Любимова*